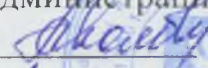

Согласовано:

Исполняющий обязанности
заведующего отделом культуры
Администрации Цимлянского района

А.А.Кольцова
« 6 » марта 2024г.

Утверждаю:

Директор МБУК ЦР «ЦМБ»
Л. А. Сапонова
« 6 » марта 2024г.

**Положение
о районном конкурсе чтецов
«Одной мы связаны судьбой»**

I. Общие положения

- 1.1. Районный конкурс чтецов «Одной мы связаны судьбой» посвящен 79-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне.
- 2.1. Организаторы конкурса: отдел культуры Администрации Цимлянского района, муниципальное бюджетное учреждение культуры Цимлянского района «Центральная межпоселенческая библиотека».

II. Цели проведения конкурса

- 2.1. Расширение знаний о литературном наследии России.
- 2.2. Воспитание у молодого поколения уважения к героическому прошлому нашей страны.
- 2.3. Повышение читательской активности и привлечение к чтению произведений о Великой Отечественной войне.
- 2.4. Выявление талантливых детей, занимающихся поэтическим творчеством, и предоставление им возможности для развития их творческих способностей.

III. Условия и порядок проведения конкурса

- 3.1. Сроки проведения конкурса: с 6 марта по 25 апреля 2024 года.
- 3.2. Общее руководство по подготовке и проведению конкурса осуществляется оргкомитетом.
- 3.3. Возрастные категории: 7–9 лет; 10-12 лет; 13-15 лет; 16-18 лет; 19-30 лет.
- 3.4. Конкурс проводится по номинациям:
 - произведения любимых авторов о Великой Отечественной войне;
 - произведения собственного сочинения о Великой Отечественной Войне.Конкурсант может выбрать для художественного чтения все виды речевого жанра: стихи, проза, а также стихи донских поэтов-фронтовиков (Приложения № 2).
- 3.5. Конкурс проводится в два этапа:
I этап – отборочный, проводится в сельских отделах МБУК ЦР «ЦМБ», школьных библиотеках – с 14 марта по 23 апреля 2024 г.
II этап – заключительный – 25 апреля 2024 г.

- 3.6. В ходе прослушивания конкурсантов на I этапе выявляются талантливые, артистичные чтецы, способные выразить художественный замысел автора, а также – юные поэты.
- 3.7. Лучшие чтецы I этапа получают право участия в заключительном этапе конкурса чтецов.

IV. Состав жюри

- 4.1. Организаторами создаётся компетентное жюри. Численный состав жюри – 5 человек.
- 4.2. Жюри имеет право:
- делить призовые места между конкурсантами;
 - присуждать не все призовые места.

V. Критерии оценки

- 5.1. Основными содержательными критериями оценки художественного чтения являются:
- культура речи;
 - выразительность и чёткость речи;
 - соответствие выбранного произведения тематике конкурса;
 - знание текста наизусть;
 - исполнительское мастерство;
 - внешний вид;
 - оригинальность.

VI. Подведение итогов и награждение участников

- 6.1. Награждение участников осуществляется жюри 25 апреля 2024 г. на заключительном этапе районного конкурса чтецов «Одной мы связаны судьбой».
- 6.2. В каждой возрастной категории присуждаются I, II, III места. Победители награждаются дипломами отдела культуры Администрации Цимлянского района. Каждому участнику конкурса вручается благодарность отдела культуры Администрации Цимлянского района.

VII. Организация конкурса

- 7.1. Данное положение является официальным приглашением для участия в конкурсе.
- 7.2. Заявку на участие в конкурсе необходимо подать в методико-библиографический отдел МБУК ЦР «ЦМБ» до 5 апреля 2024 г. по форме (Приложение № 1). Форма заявки заполняется лично каждым участником.
- 7.3. Заявки на участие в конкурсе принимаются в печатном или электронном (сканированном) варианте по адресу: 347320, г. Цимлянск, ул. Ленина, 15. Адрес электронной почты: konkurs.bib@rambler.ru
- 7.4. Телефон для справок: 2-17-52 МБУК ЦР «Центральная межпоселенческая библиотека».

Заявка на участие в районном конкурсе чтецов «Одной мы связаны судьбой»

1. Фамилия, имя, отчество участника _____
2. Дата рождения _____
3. Домашний адрес _____
4. Контактные телефоны _____
5. Номинация _____
6. Возрастная категория _____
7. Название исполняемого произведения, с указанием автора

8. Ф.И.О. лица, подготовившего участника _____

9. Я, _____ даю согласие на обработку и использование данных, содержащихся в настоящем заявлении, исключительно в целях публикации сборника стихов и размещения на официальном сайте МБУК ЦР «ЦМБ», а также на хранение данных на электронных носителях.

10. Подпись участника _____

11. Дата _____

Стихотворения донских поэтов-фронтовиков

Михаил Авилов

В ночь на 10 мая 1945 года

За множество тревожных дней
Вздохнув,
Земля спокойно дремлет.
Сегодня ночь уже нежней
Глазами звёзд глядит на землю.
И словно просит тишина
Забуть об орудийном громе,
Под небосводом и луна
Горит,
Как лампа в мирном доме.
Пусть о войне седеет быль –
Иных забот и дела много.
Нам с голенищ кирзовых пыль
Смахнуть бы дома у порога.

Даниил Долинский

* * *

Я выжил...
А кто-то опять,
Незримый, стоит у подворья,
Зовёт... И у вдовьего горя —
Ещё одна белая прядь.
Я выжил...
А кто-то глядит
Со снимка в армейском наряде
На взрослых сынов и во взгляде
Их детские лица хранит.
Я выжил...
А кто-то живёт
Во мне, никогда не старея,
И памятью горькою моею
Забуть о себе не дает...

Григорий Кац

Нет на свете нас миролюбивей,
Но ты видишь – над страной твоей
Снова машут боевые гривы
Злых, надменных вражеских коней.
Слышишь – ветер просит быть готовым,
Он пошёл по улицам станиц,
Он сегодня реял над Ростовом,
Этот ветер боевых границ ...
Будет время, чую это время,
Раньше срока призовут года,
Как у Лермонтова – ногу в стремя
И поскачешь молодость отдать...

Ашот Гарнакерьян

Клятва

В сорок первом году в Керчи,
Где прожектор метал лучи,
Нагоняя фашистских асов,
Я у наших зениток клялся:
Если всё же свершится чудо,
Если выйду живым отсюда,
Буду жить на таком накале,
Чтобы руки не отдыхали,
Чтобы сердце, как в пекле боя,
Не искало нигде покоя.
В громе, в лязге идущих танков,
у обугленных полустанков
Я поклялся на вдовьем плаче:
Если выживу – жить иначе.
Жить, гореть, себя не жалея,
Чтобы людям жилось светлее.
Время лечит и слёзы сушит,
И боюсь я клятву нарушить:
Где-то вдруг отступить на шаг,
Что-то сделать плохо, не так,
Как хотелось бы, как обязан, –
я ведь клятвой солдатской связан,
И за мной как будто следит
Тот, кто был молодым убит.
Хоть могилы молчат, молчат,
Я твой вечный должник, солдат.

Доризо Н.

Сегодня вспоминаем снова

Сегодня

вспоминаем снова

Весь путь

от Волги

до Карпат,

Бои

у города Ростова

И осажденный Ленинград,

И танки

нашей русской стали,

Идущие

в стальном

строю,

И звезды счастья

на металле,

Сто раз

проверенном

в бою!

Полями

битвы

грандиозной

Шли танки

по родной стране,

Прокладывая путь

колхозной —

Своей союзнице —

весне.

Непобедима,

непреклонна,

Вперед,

вперед —

из боя

в бой

Шли танков

мощные колонны,

Как ход истории самой.

Они

в сражениях

вспахали

Все вражьи линии

огнем,

Что трактора

из той же стали

По их путям

пошли потом.

Николай Доризо

Товарищ,

вспомни,

как с тобой

В Ростов вернулись мы.

Пожар на улице Сенной

Среди тревожной тьмы,

Наш искалеченный вокзал,

Метель кружит золу,

Проломы стен, сплетенья шпал

И трупы на углу.

Мы спали,

подстелив шинель,

И был короток сон,

И билась яростно метель

В щербатый дикт окон.

Топтали дети к Дону путь,

Чтоб в проруби

потом

Водицы мутной зачерпнуть

Простреленным ведром.

Пайковый мы делили хлеб,

Пустой варили суп,

И дом был холоден и слеп,

И пар струился с губ.

В углу последних дров запас.

Копилки едкий дым...

Но был я

в эти дни

как раз

Счастливым,

Молодым.

Павел Рюмин

Малая лопата

Лопату, бывшую в Берлине,

Не подводившую в бою,

В чехле брезентовом поныне

Я как реликвию храню.

И мне напоминают свято

Тупые вмятины лотка

О рубежах, что с боем взяты,

О том, как наша сталь крепка.

Я эту малую лопату

Ценю за то, что на войне

Она за верность ей солдату

Платила верностью вдвойне.

Вениамин Жак

Память

Война приучила:
разлуки длина
Зависит от прихоти пули –
Кто знает,
когда тебе свистнет она
И где тебя подкараулит!
и все же не смел нас удерживать дом,
Выпрашивать лишнюю ночку!
И мы улыбались – покуда вдвоем,
Чтоб плакать – потом,
в одиночку.
Всё вынесли и повстречались опять ...
Ушли фронтовые невзгоды.
Но странно, но страшно тебя потерять
На сутки –
не то, что на годы!
Я списан с учёта, не числюсь бойцом,
К подсумкам не тянутся руки,
Но память,
как рана под старым рубцом,
Болят
и страшится разлуки.

Вениамин Жак

ГВАРДЕЙЦАМ ПОЛЕЙ

Над Волгою марево, копоть и гарь,
И яростный ливень снарядов.
Узбек и москвич, сибиряк и волгарь
Закрыли пути к Сталинграду.
Жестокая битва за Волгу, за Дон
Кипит, не стихая неделями,
И каждый дыханьем ее опален,
И в битве не все уцелели мы!

Где вражеским танкам пробиться нельзя,
Стальная обрублена лапа, -
Там наши гвардейцы, там наши друзья
Лежат головою на запад.
Как будто в родимую землю вросли
В ярах и степи бездорожной.
Их можно убить, но с родимой земли
Заставить уйти - невозможно.

Доколе плечом ощущают приклад,
Глаза не ослепли доколе -
Они не уйдут, не сдадут Сталинград
В немецкую злую неволю.

Гвардеец - он выстоит, он устоит,
Пусть "хейнкели" воют по-волчьи,
Врагу не дадим превратить в пустыри
Колхозные нивы в Поволжье.

Ползет сквозь огонь бронированный змей,
Колхозным полям угрожая.
Встань рядом с гвардейцем, гвардеец
полей!
Колхозник Поволжья, без промаха бей
Врага фронтовым урожаем.

Вениамин Жак

РАЗГОВОР С ДВАДЦАТИЛЕТНИМИ

Милые мои, двадцатилетние!
Вас еще и не было на свете
В ночь, когда сугробами несметными
Вьюга перепахивала степи.
Двигались сугробов эшелоны
Перебежками и перекатами,
А в снегах –
войска над самым Доном,
В полушубках, в белых маскхалатах.
Вой и чад горящего металла,
До Ростова –
триста, двести, сто...
И счастливый голос Левитана:
«От врага освобожден Ростов!»
Доброй славы шумные наследники,
Набирайтесь сил, двадцатилетние!
Смейтесь всласть и всласть целуйтесь с
милыми...
Но подчас вам вспомнятся, быть может,
Обрученные не с милыми, а с минами
В двадцать лет...
А многие – моложе!
И об этом забывать не в праве мы
В нашей мирной суете годов:
Чуть копни – из-под камней и гравия
Поползут осколки – когти ржавые,
Рвавшие сердца невест и вдов!

Александр Оленич-Гнененко

Дозор

Сквозь тьму и сквозь тучи
Звездою падучей
Плывет за ракетой ракета.
Беззвучное пламя
Дрожит над лесами
И ярко горит до рассвета.
Но клочья тумана
Сползают с кургана,
И утро холодное брезжит,
И слышат дозоры
Гуденье мотора
И стали пронзительный скрежет.
Три вражеских танка
Спешат спозаранка
Со звоном железным и лязгом
В деревню ворваться,
Втроем прогуляться
По нашим окопам и каскам.
На самом рассвете
Над речкой в секрете
Лежали три друга армейских:
Вано с Алазани,
Иван из Рязани,
Петро из-под города Ейска.
«Что ж, встретим, ребята,
Фашистов, как надо!
Пусть сердце не знает тревоги!»
Вано — за кустами,
Петро — за снопами,
Иван — у проезжей Дороги.
И каждый получше
Бутылки с горючим
Проверил, готовясь к удару:
«Старух вы пугали,
Детей вы сжигали:
Попробуйте нашего жару!»
Вот танки — все трое —
С рычаньем и воем
Железными мчатся горами.
Посыпались в танки
Звенящие склянки,
И вспыхнули танки кострами.

Александр Оленич-Гнененко

Баллада о связанном Шаблинском

Два взвода лежат за рекою. О них
Подумать без боли нельзя.
Оборвана связь, но сквозь огненный вихрь
Идут к ним на помощь друзья.
Весь наш батальон в нетерпении ждет,
В тот берег впивается глаз...
Команда майора: «Связисты, вперед!»
И отдан короткий приказ.
И в реку, где пеной клубилась вода,
В грохочущий, воющий ад,
Четыре связиста ведут провода:
Никто не вернулся назад!
Тогда комсомолец Шаблинский оказал:
«Товарищ майор! Я могу
До наших добраться. Трава и лоза
Прикроют меня на лугу.
До армии слыл я хорошим пловцом:
Случалось и дальше нырять,
В глубокой воде ни огнем, ни свинцом
Меня не достать, не догнать».
И вот уже прочно привязан к ноге
Податливый провод витой.
Бойца не увидеть в зеленой куге
Под белой от взрывов водой.
Во всем снаряженье, с винтовкой в руке
Плывет — не касается дна.
В текущей лениво осенней реке
Вода будто лед холодна.
Он слышит рекой отражаемый гром,
Осколков шипенье и плеск.
Он видит кипящие струи кругом
И вспышек мерцающий блеск.
А там, в лозняке, за пустынной волной
Майор неотступно следит.
Вздыхнул тяжело и поник головой:
«Должно быть, и этот убит»...
И снова следит за течением он.
Связные сурово молчат.
И вдруг зажужжал полевой телефон,
И трубку сжимает комбат.
Он голос далекий бойца узнает,
Светло загорается взор,
И травы запахло, и сердце поет:
«Есть провод, товарищ майор!».

Арсен Оганесьян

Новороссийск огнём объят...

Я подвига не знаю краше,
Сквозь годы клятву пронесу:
«Я в этот город Знамя наше
Живой иль мёртвый – принесу!
И там, где пепел, – будут розы,
Там будет вечно город мой!» –
Так говорил сержант Морозов,
И Знамя с сердцем рвалось в бой!
Земля горит и вся дымится,
Новороссийск огнем объят...
Друзья мои! На ваших лицах
Следы войны в глазах лежат.
Мы потеряли в битве многих ...
Кто тех ребят назад вернет?!
В каких сражениях жестоких
Мы здесь стояли целый год!
И вот тот день, что так мы ждали,
И вот желанный пробил час:
Новороссийск мы штурмом взяли,
Всё позади – огонь и грозы,
И на Тамань отходит враг...
В Новороссийск сержант Морозов
Принес победный красный флаг!

Григорьян Л.

ПЕПЕЛ

Из глубины порыжевших пластов,
Напрочь убитых и скованных наледью,
Не позабытый, не преданный памятью
В окна мои заползает Ростов.
Напоминает небом в огне,
Нетопырем по убежищам тычется,
Обозначается бредом готическим
На свежавыкрашенной стене.
Пульсом прерывистом бьется в стихе,
Давит на плечи, свинцово и каменно,
Пахнет войной и подолом маминым
По уши в шорохе и тишине.
Значит, не время застольных бесед,
Если – щекою к дымящейся родине –
Руки раскинул убитый сосед,
Незахороненный, незахороненный...
Память окрасила красным траву,
Что-то расквасила, что-то обуглила.
Значит, загубленное не загублено,
Значит, осталось, пока я живу.

Виктор Стрелков

Мальчишки

Нас деды с отцами корили
За нашу мальчишечью прыть,
А мы втихомолку курили,
Чтоб чем-то на них походить.
Нас мучила зависть слепая
Ко всем, кто бывал на войне, –
Лихая тачанка Чапая
Промчалась от нас в стороне.
Ах, как нас отцы обокрали,
В наследье нам дав тишину!
Мы, им подражая, играли
Влюбленно и лихо в войну.
Сирены тревожно взревели,
Черту подводя под игрой.
Одев не по росту шинели,
Мы шли
 не в игрушечный бой.
Мужая, шагали ребята
Сквозь пули и пушечный гром...
Экзамен
На званье солдата
Держали мы
В сорок втором!

Пётр Хромов

Длинная туча идёт полосой,
Медленной и синеватой.
Аэродром, охлаждённый росой,
Пахнет бензином и мятой.
Дай мне спокойную руку твою,
Тёплое слово промолви.
Пусть пролетают в далеком краю
Копья воинственных молний.
Пусть на планшет, что пронесит пилот,
Падает их отраженье –
Молча глядит через винт пулемёт
В жажде огня и движенья.
Чтобы тебе без тревоги спалось,
Вздогнут широкие крылья.
Чтобы легко и спокойно жилось,
Выйдет в полёт эскадрилья.

Александр Фарбер

Семь Колодезей

В пути

тоска в купе вползла.

Он был далёко от друзей.

И вдруг, в окне –

фронтон вокзала

И надпись:

"Семь Колодезей".

Давно б пора уняться нервам,

Но прошлое

со всех сторон

В атаку шло.

Здесь в сорок первом

Был сформирован батальон.

И вмиг заботы стали мелки.

Зажглись погасшие огни.

Отсюда

к Арабатской стрелке

Их перебросили в те дни.

И вспомнился азовский ветер,

Чуб через лоб наискосок,

Обрызганный волнами вечер,

Плывущий под ноги песок.

И в ожидании сраженья...

На взводе у солдат сердца.

И напряженье, напряженье

Без передышки, без конца...

Взглянул на орденскую планку,

И что-то шевельнулось в нём.

Тягач

к подорванному танку

Он прицепляет под огнём.

В груди от нетерпенья колет,

И вмиг является на свет

Все то, чему учили в школе

И в песнях предвоенных лет.

...Былое минув, поезд скорый

Шел, будто в гору, тяжело.

На степь,

не отрывая взора,

Глядел попутчик пожилой.

Евтушенко Е. А.

Сторожу Змиёвской балки

Когда все преступления замолятся?

Ведь, казалось, пришла пора.

Ты ответишь ли, Балка Змиёвская?

Ты ведь Бабьего Яра сестра.

Под землей столько звуков и призывов,

стоны, крики схоронены тут.

Вижу - двадцать семь тысяч призраков

по Ростову к той балке бредут.

Выжидающе ястреб нахохлился,

чтобы выклевать чьи-то глаза.

Дети, будущие Михоэлсы,

погибают, травинки грызя.

Слышу всхлипывания детские.

Ни один из них в жизни не лгал.

Гибнут будущие Плисецкие,

гибнет будущий Марк Шагал.

И подходит ко мне, тоже с палочкой,

тоже лет моих старичок:

"Заболел я тут недосыпалочкой.

Я тут сторож. Как в пепле сверчок.

Его брови седые, дремучие,

а в глазах разобратся нельзя.

"Эти стоны, сынок, меня мучают,

и ещё - как их звать? "Надпися."

Я такого словечка не слыхивал,

ну а он продолжал, не спеша:

"Сколько раз их меняли по-тихому

эти самые "надпися".

Почему это в разное время

колготились, незнамо с чего,

избегаючи слова "еврей",

и вымарывали его?

Так не шла к их начальничьей внешности

суетня вокруг слова того.

А потом воскрешали в поспешности.

Воскресить бы здесь хоть одного.

Жаль, что я не умею этого.

Попросить бы об этом небеса!

Я бы тратить всем жизнь посоветовал

на людей, а не на "надпися".

Ковалевский И. Е.

РОСТОВ

Я руки ломаю, я плакать готов,
Захваченный силою чёрной.
Ты часто мне снишься, родной мой Ростов,
Разрушенный, но непокорный.
Я вижу: на улицах трупы детей,
Заполнены тюрьмы друзьями,
И стаи двуногих фашистских зверей
Глумятся над сёстрами и матерями.
Разрушенных зданий сияют бока.
И вдруг над Домом Советов
Взвилось и колыхается знамя полка,
Зажжённое новой победой.
Я вижу: под грохот и дым батарей
От Волги и к тихому Дону
Шагает армия богатырей,
Подняв боевые знамёна.
И в горло вцепиться врагу я готов...
Победною песней звенящий
Ты снова встаёшь, родной мой Ростов,
Свободным, живым, настоящим.

Симонов К.М.

Матвеев Курган

И, вместо полуденных стран,
Вдруг вспомнят про Старую Руссу,
Какой-то Матвеев Курган,
Какую-то речку Миусу.
Подкравшись к отцу своему.
Вдруг спросишь ты, всеми забытый:
— Матвеев Курган. Почему?
Лежит богатырь там убитый?
Мелькнет в его взоре печаль,
И скажет он голосом странным:
— Да, там богатырь. Только жаль,
Что он не один под курганом.
Потом, проводивши гостей,
На стенах окинёт он глазом
Портреты усатых людей,
Что ты не встречал здесь ни разу.
И вдруг, чтоб не видела мать,
Обычно такой непреклонный,
Свой старый наган поиграть
Он даст тебе, вынув патроны.

Ширман Е.

Бойцу Н-ской части

Спокоен, суров и ясен
Ты стиснул в руках автомат.
Чапаев, Суворов и Разин
В крови твоей говорят.
Ты славою предков овеян,
Ты чист и высок челом,
Тебе к лицу портупея
И витязей ратный шелом.
По танкам, в огне кромешном,
Гранату ты взвил, как пращу...
Я вижу твою усмешку
И снайперский твой прищур.
Степная твоя порода!
В ней соль и кремь залегли.
Ты сын трудового народа,
Ты воин русской земли.
И это тебе присуще —
Чтоб к бою звала рука —
Прикладом врага расплющить,
Пронзить острием штыка.
И сердце атакам радо,
И это тебе под стать —
Родные поля и левады
От извергов защищать.
Крепки, как кремлевские стены,
Красных бойцов ряды.
Не пить фашистским гиенам
Священной донской воды!
Я знаю, я чую сердцем,
Хоть грозен врагов нажим,
Но ты, как народ, бессмертен,
Как солнце — непобедим!

Барсуков Э. Г.

ОТЗВУК ГРОЗЫ

Был небосвод грозой расколот,
пылал, прохожих не щадя.
И вдруг обрушился на город
бомбардировками дождя.
И мы, как в те былые годы,
когда Ростов был фронтовым,
неслись к подземным переходам,
к бомбоубежищам своим.
И боль годов прошла сквозь стены
из затемнённых уголков:
разрыв фугаса, вой сирены,
тревога заводских гудков...
А ливень словно бы и не был.
Даль наливалась синевой,
от туч освобождалось небо
и всем ненастьям дан отбой!

АРШАК ТЕР-МАРКАРЬЯН

Шёл сорок третий.

Шёл сорок третий. У болота
Война в окопы залегла.
Как цепи вражеской пехоты,
На город наступала мгла.
И бомбы бахали. Белели
В сугробах декабря кресты.
Обозы. Баржи. Батарей.
Бараки. Беженцы. Бинты.
И до сих пор я слышу крики
За рубежом взрывной волны.
И надо мною, словно крылья,
Шуршат погоны старшины.
Лежу. Вокруг – яры крутые.
Охрипший оклик: «Хлопчик, цел?»
И слёзы матери скупые
На обмороженном лице.
Потом подводы нас качали,
Везя куда-то под Казань.
И стали от большой печали
У мамы – чёрными глаза!
Уже какой по счёту город!
Нас письма ищут – не найдут...
Шёл сорок третий...
Очень скоро
Отца из бронзы отольют!..

Барсуков Э. Г.

ЗМИЁВКА

Памяти Виля Акселя

Мать с детьми в туманной дымке,
Виля - старший сын.
Из семьи на старом снимке
Выжил он один.
В лётной школе в дождь и холод
Спорил с высотой,
А в родной вернулся город
Круглой сиротой.
Здесь орудовали банды
В дни кровавых месс,
Палачи зондеркоманды 10-а СС.
Гнали жителей в траншеи –
Пленников войны –
Их вина - они евреи.
Нет другой вины!
Люди шли, ещё не веря
Что их ждёт расстрел,
Что рассматривают звери
Жертвы сквозь прицел.
Выгружали душегубки
Мёртвые тела...
Нюют на сердце зарубки.
День сгорел дотла.
Но летит во мглу погоста
Через много лет:
«Никакого холокоста
Не было, и нет!
Бредни, вымыслы и сказки
Про германский ад», -
Уверяет вождь иранский
Ахмадинежад.
Это, Виля, как проклятье
Тем словам внимать –
Здесь твои родные братья
И родная мать.
Над тобой кружатся галки,
Ты ещё живой,
А семья в Змиёвской балке
Проросла травой...

Анатолий Софронов

* * *

Нам предстоит еще немало
Ходить дорогами войны,
В лесах, заснеженных, усталых,
Не слышать в полдень тишины.
Детей не видеть в колыбели,
Шинелей серых не снимать,
Не разуваться две недели
И через сутки стоя спать.
Но этот путь уже не страшен –
Мы не умрем, мы будем жить!
Мы написали кровью нашей
Веленье сердца: победить!

Анатолий Софронов.

Бессмертник

Спустился на степь предвечерний покой,
Багряное солнце за тучами меркнет...
Растет на кургане над Доном-рекой
Суровый цветок — бессмертник.
Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.
С ним рядом на гребне кургана лежит
Казак молодой, белозубый,
И кровь его темною струйкой бежит
Со лба на холодные губы.
Хотел ухватиться за сизый ковыль
Казак перед самою смертью,
Да все было смято, развеяно в пыль,
Один лишь остался бессмертник.
С ним рядом казак на полоске земли
С разбитым лежит пулеметом;
И он не ушел, и они не ушли —
Полроты фашистской пехоты.
Чтоб смерть мог казак молодой пережить
И в памяти вечной был светел,
Остался бессмертник его сторожить —
Суровой победы свидетель.
Как будто из меди его лепестки,
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сбиваемый ветром.

Л. Дьяков

Речка Мертвый Донец.

Далеко, в белой замети,
Светом чистых колец
Выплывает из памяти
Речка Мертвый Донец.
Лебедиными крыльями
Над водой два весла.
Меж буграми ковыльными
Зорька солнце снесла...
Словно птица пугливая,
В сетях рыба рыбец...
Все ль ты помнишь,
Счастливая
Речка Мертвый Донец?
Не придам ли огласке я,
Что ушло навсегда?..
Кровью жгучей солдатской
Закипала вода.
Шли бойцы на Синявскую,
На упорный Самбек.
Глину скользкую, вязкую
Обнимая на век...
Укрывал ты их кручами
Зачерствелой земли...
Там сыны твои лучшие,
Долг свершив, полегли
Поросли звень-осокою
Битв кровавых следы.
Лишь звезда одинокая
Поднялась близ воды.
Да ночами над кручею
Плачет кто... не понять...
То ли ива плакучая,
Толь солдатская мать!

ИГОРЬ КУДРЯВЦЕВ
МОЛИЛАСЬ МАМА ЗА МЕНЯ

Миную строгий взгляд границы,
У кромки родины и дня
Ещё не знал я, что в станице
Молилась мама за меня.

Когда, фуражку лихо сдвинув,
Я шёл, заветное храня,
По главной улице Берлина,
Молилась мама за меня.

Когда, бессонницы отведав,
Чужой столице – не родня,
Встречал я утро Дня Победы,
Молилась мама за меня.

Пусть ветры мечутся у храма,
Но за отца, войну кляня,
В сороковых молилась мама,
В восьмидесятых – за меня.

Она не скажет, что ей снилось.
Она, по сути мир ценя,
За человечество молилась,
Когда молилась за меня.

Виктор Петров
"ОЛАДУШКИ"

Мимо станции Успенской
Дни и ночи напролет
В эшелонах длинных с песнями
Ехал сорок пятый год.
Ждали мамы на перроне,
Теребя свои платки:
В том ли, в этом ли вагоне
Их кровиночки-сынки?
И моя стояла бабушка -
Узелок белел в руке.
Принесла она оладушки
С думой скорбной о сынке.
Наказал, уйдя из дому:
"Мать, себя побереги,
А вернусь, так мне живому,
Ты оладушек спеки..."
Да погиб её Василий
Смертью храбрых на войне,
Заслоня собой Россию,
Став посмертно дядей мне!
Мать седую понимали
Те, кто вышел из войны:
"Нас прости за то, маманя,
Что чужие мы сыны..."
А она, беду осилив,
Раскрывала узелок,
Говорила: "Кто Василий,
Пусть берёт, как мой сынок".